

РАФАЕЛОВА К.С.

(Классический приватный ун-т)

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КОМПАРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АРМЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

The article deals with investigation of Russian and Armenian comparative constructions, which were analysed in the psychological linguistic experiment. The words, characterizing the inner world of man and his character were under study. For the analyse we investigated the words, which are the most typical for the certain group of people questioned. The cultural experience of this linguistic community within the framework of linguistic picture of the world is reflected in the comparative constructions. The obtained material proves that comparative constructions are very important as a carrier of information on national peculiarities in worldviews of both nations.

Key words: *comparative construction, experiment, inner world of man.*

«Все познается в сравнении»

(Народная мудрость)

Вся человеческая деятельность связана со сравнением. В каждом национальном языке огромное место занимают компаративные обороты, которые являются своеобразными языковыми феноменами и важным фактором развития языка и культуры речи языкового общества.

Компаративные обороты были объектом исследования многих лингвистов, и начиная с 70-х годов XX века, немало работ было посвящено языковому феномену сравнения [Маслова 2004; Назарян 1965; Огольцев 1978; Олексишина 1999; Шаповалова 1986 и другие]. Красочно отображая языковое мышление, философию жизни, духовность народа, компаративные обороты занимают значительное место в языке и культуре как отдельных народов, так и всего человечества в целом, представляя множество ситуаций, обычаев и традиций. Однако специальные исследования, посвященные контрастивному анализу сравнительных оборотов русского и армянского языков, пока отсутствуют. В связи с этим объектом данного исследования послужили компаративные обороты, которые были получены в ходе психолингвистического эксперимента среди носителей армянского и русского языков.

Выбор в качестве предмета исследования национально-культурной специфики сравнительных оборотов, отображающих внутренний мир человека, обусловлен тем, что сегодня человек снова рассматривается как мера всех вещей. Иначе говоря, этот опыт в какой-то мере продолжает антропоцентрические исследования, являющиеся также актуальными для современной лингвистики [Маслова 2004, с. 152]. Идея о необходимости изучения языка с учетом внутреннего мира человека восходит к трудам

В. Гумбольдта. «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [Гумбольдт 1984, с. 349]. Существование языка как некой формы, в которой человек выражает свои знания о мире на определенном этапе, позволяет говорить о языковой картине мира. Все коммуникативные средства, в том числе и компаративные обороты, играют важную роль для отражения национальной картины мира любого этноса. В.Н. Манакин определяет языковую картину мира как отраженный средствами языка образ сознания-реальности, модель интегрального значения в концептуальной системе представлений репрезентируемых языком [Манакин 2004, с. 44]. По словам В.А. Масловой, языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе) [Маслова 2004, с. 66]. Каждый язык по-своему членит мир и имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. В этом проявляется специфическое человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Целью статьи является исследование культурно-национальной специфики сравнений в русском и армянском языках. Данная цель предполагает решение таких задач: 1) категоризация в языковых эталонах национального видения человека; 2) установление культурно-идеографического поля, где человек продуктивно оценивает самого себя.

Из-за различий между концептуальными и языковыми единицами система понимания языка не может быть идентичной. И в коммуникативных средствах, в том числе и компаративных оборотах, отражается культурный опыт языковой общности, находящейся в рамках языковой картины мира.

Для анализа мы взяли слова, наиболее типичные для определенной группы опрошенных. Единичные примеры, то есть такие, которые отражают нерегулярные ассоциации, в нашем исследовании не принимались во внимание.

В исследовании приняли участие 100 студентов факультета русской филологии Запорожского национального университета и 100 студентов факультета армянской филологии Ереванского государственного университета в возрасте от 19 до 22 лет.

Как уже отмечалось, во время психолингвистического эксперимента анализировался внутренний мир человека, его характер. Слова-стимулы, согласно психологической классификации, относятся к различным группам: 1) отношение к другим людям и обществу (напр.: *добрый, завистливый*); 2) черты характера, отражающие особенности протекания психических процессов личности (напр.: *веселый*). Опрошенным были предложены следующие слова-стимулы: *веселый как..., гордый как..., добрый как..., завистливый как..., застенчивый как..., злой как..., печальный как..., покорный как..., робкий как..., скромный как..., скупой как..., спокойный как..., трудолюбивый как..., угрюмый как..., упрямый как...* Эти же слова-стимулы были переведены на армянский язык.

Процедура эксперимента: в предложенные анкеты испытуемым предлагалось вписать свою первую реакцию на заданный стимул. На это отводилось 15 минут.

В результате анализа эмпирического материала было получено всего 2990 ответов. Из них 1450 – на русском языке и 1500 – на армянском. Ответы были объединены в несколько групп реалий, с которыми ассоциируются черты характера представителей двух сравниваемых культур.

По структуре полученные в эксперименте ответы в основном простые, однословные. Но встречаются и сложные, например: *веселый как звон колокольчиков; покорный как дрессированный тигр; арм. թուրք կնիչերն լինումը* (досл. угрюмый как турецкий янычар); *19-րդ դարի նրսիհարսի լինումը* (досл. скромный как невестка XIX века). У армян преобладают сложные по структуре сравнения. Они составляют 166 примеров (11% из общего количества), а в русском – 127 (8,5%).

Некоторые примеры включают так называемые противоположные значения, то есть такие обороты, которые отражают явление языковой энантиосемии. Этот факт особенно заметен у носителей русского языка. Например: *умный как утка; умный как стадо баранов; добрый как медведь* и др.

Количественное соотношение тематических групп в армянском и русском языках приводится в табл. 1.

Таблица 1.

Соотношение тематических групп русского и армянского языков

Тематические группы	Русский язык		Армянский язык	
	ед.	%	ед.	%
Растения	21	1,5	42	3
Животные	495	34,0	486	33
Рукотворные изделия	161	11,0	18	1
Природные объекты	36	2,5	148	10
Природные явления	40	2,5	101	6
Люди	404	28,0	432	29
Национальность	21	1,5	42	3
Профессия	105	8,0	76	5
Фольклор и мифология	155	10,0	102	6
Время суток	12	1,0	53	4
Всего	1450	100%	1500	100%

Данные эксперимента показали, что внутренний мир человека носителями обоих языков сравнивается с девятью реалиями. Самыми частотными являются ассоциации с *животным миром (собака, кошка, волк)*. Эта группа составляет 34% в русском языке и 33% в армянском языке. Реалии, указывающие на определенные группы людей (*мама, подруга, любимый, ребенок*), также многочисленны. Их количество составляет 28% у носителей русского и 29% у носителей армянского языка. Носители русской языковой культуры намного

чаще, чем армяне, употребляют ассоциации с артефактами, что составляет 11% от исследуемого материала, с фольклорными и мифологическими персонажами (*Баба Яга, Кощей*) – 10%, с людьми определенной профессии (*модель, танцовщица*) – 8%.

У носителей армянского языка чаще встречаются ассоциации с природными объектами (*море, река, гора*), что составляет около 10%, и природными явлениями (*дождь, закат, ветер*) – 6%. В обеих культурах меньше ассоциаций со временем суток (*ночь, день*) – 1% у русских и 4% у армян; национальной принадлежностью (*турок, славянка, кавказец*) – 1,5 и 3%, с растительным миром (*береза, помидор, васильки*) 1,5 и 3% соответственно.

Полученные в ходе эксперимента самые частотные ответы по этнокультурной специфике распределяются таким образом: веселого человека армяне сравнивают с определенными группами людей: арм. *էրեխախի պէտքը քիչ* (досл. веселый как ребенок). Такой ответ приводят 34% опрошенных, а носители русского языка здесь употребили большое количество сравнений с представителями определенной профессии, например: *веселый как клоун*. Здесь получено 40% подобных ответов. Видимо, обнаруживается разница в интерпретации понятия *веселый*. У одних оно ассоциируется с веселым настроением, а у других – с действием представленным глаголом *развеселить*.

Носители русского языка чаще, чем армяне, гордого человека сравнивают с животными: *гордый как орел* (14%), а армяне – с природными объектами: *լեռնէրի պէտքը քիչ* (досл. гордые как горы) (18%).

По данным экспериментального анализа характеристики доброго человека сравнения у носителей армянского языка чаще соотносятся с определенными группами людей. Как правило, это такие слова, как *мама, любимый человек, бабушка, ребенок* и другие: арм. *վեր պէտքը քիչ* (досл. добрый как мама) (33%). Русские чаще приводят ассоциации с животными: *добрый как собака* (14%). Специфичность языкового сознания проявляется и в примерах со словом-стимулом *завистливый*. Большинство носителей обоих языков использовали для характеристики завистливого человека сравнения с определенными группами людей, например: *завистливый как сосед, как друг*. Но у носителей армянского языка самым частотным является следующая ассоциация: арм. *օճի պէտքը քիչ* (досл. завистливый как змея). Этот ответ составляет примерно 30%.

В русском языке по частотности выделяется только ассоциация с *чертом*: *завистливый как черт* (6% ответов).

Больше всего примеров со словом-стимулом *злой* зафиксировано у носителей русского языка в группе с названиями животных, например: *злой как собака* (20%), *злой как волк* (20%), а у армян – с фольклорными и культурными персонажами, например: арм. *Շիւիրը պէտքը քիչ* (досл. злой как ведьма) (28%).

Специфичность сравнений при характеристике застенчивого человека выявляется в таких армянских примерах: арм. *նրիւնքի պէտքը քիչ*

(досл. застенчивая как новобрачная невестка) (31%). Носители русского языка это понятие ассоциируют с ребенком: *застенчивый как ребенок* (17%).

Группы сравнения со словом-стимулом *печальный* очень разнообразны. Чаще всего печального человека русские сравнивают со сказочными персонажами: *печальный как Пьеро* (26 %), тогда как эта группа у носителей армянского языка в анкетах отсутствует. Последние для этих целей используют времена года: *սշնիւմի պէս թաւիծնու* (досл. печальный как осень) (25%).

Покорного человека русские сравнивают с *рабом*: *покорный как раб* (28%), тогда как армянские реципиенты дают мало ответов с этим образом-эталоном (12%): арм. *նքիւնքիւնի պէս հեղ* (досл. покорный как новобрачная невестка) (20%).

Носители обоих языков чаще всего сравнивают робкого человека с представителями животного мира. Большинство опрошенных сравнивает такого человека с зайцем: *робкий как заяц*. У носителей русского языка этот ответ составляет 18%, а армянского – 65%.

Чаще всего носители русского языка сравнивают скромного человека с определенной профессией или родом занятий: *скромный как монах* (7%), армяне – со своей нацией или с определенными группами людей: *скромная как армянка* – (14% ответов), *նքիւնքիւնի պէս հաւկուտ* (досл. скромная как новобрачная невестка) (31%).

Слово-стимул *скупой* у носителей русского языка ассоциируется с национальной принадлежностью: *скупой как жид, еврей* (11%), а у армян – чаще с определенными группами людей и профессиональной принадлежностью. Например: арм. *հարուստի պէս ժլտ* (досл. скупой как богач) (22%), *վաճառականի պէս ժլտ* (досл. скупой как купец) (18%).

Спокойный в русском языке сравнивается с рукотворными объектами: *спокойный как танк* (10%), *двери* (16%), в армянском языке – с природными объектами: арм. *ծովի, լճի պէս հանգիւտ* (досл. спокойный как море, озеро) (23%).

Признаки *трудолюбивый, угрюмый* и *упрямый* совпадают по ассоциациям в русском и армянском языках. Например, трудолюбивого человека носители обоих языков сравнивают с животными: *трудолюбивый как пчела* (в русском языке 26% ответов, а в армянском – 40%), *трудолюбивый как муравей* (рус. – 11 и арм. – 44%).

Угрюмый человек в двух культурах сравнивается чаще всего с природными явлениями: *угрюмый как туча*. Такой ответ приводят 11% опрошенных русской аудитории и 36% армянской.

Упрямый человек в двух культурах ассоциируется с животными: *упрямый как осел* (рус. – 56% и арм. – 60%).

Для характеристики *умного* у носителей русского языка чаще всего зафиксированы ассоциации с совой: *умный как сова* (17), у армян – с собакой, змеей: *շնի պէս խելացի* (досл. умный как собака –(20%) *օձի պէս խելացի* (досл. умный как змея) –(23%).

Итак, проведенный этнопсихолингвистический эксперимент позволил обнаружить выявить стереотипные сравнения, характерные для русской и армянской языковых культуры.

В разных культурах возможно одновременное существование одинаковых образов. Надо заметить, что такие образы в нашем исследовании занимают большое место, что объясняется существованием интернациональных образов: *дуб, скала, море, собака, дождь, туча, ребенок, мама* и другие.

Этнокультурной спецификой обуславливаются сравнения носителями русского языка с образами *березы, совы, медведя* и др. *Береза* символизирует в русской культуре весну и девичество, ее высаживают около домов, чтобы призвать добрых духов [Трессидор 1999, с. 24]. Это растение типично для северного климата, и не случайно то, что сравнения с березой в армянском языке отсутствуют. Образ медведя также является характерным для носителей русского языка [см. Трессидор 1999, с. 219].

Для армянской языковой культуры характерны следующие специфичные образы: *змея, лань, тополь, ручей, Арарат, скорпион, невестка* и др. Символ *змеи* характерен для армянской ментальности и тесно связан с климатическими особенностями, особенностями флоры и фауны Армении. Обитая в раскаленных от солнца горах, ущельях и равнинах змеи, тесно переплелись с окружающей средой [Դիմիտրիան 1960, с. 35], но не всегда этот образ ассоциируется со злостью и жадностью. Очень часто он символизирует также ум и мудрость.

Объяснение специфичности для армянского народа образа невестки уходит далеко в историю. Будучи горным народом армяне сохраняли свои обычаи. Замужество, например, заставляло молодую женщину молчать. Ее судьба была связана только с рождением детей. Она не имела права разговаривать в присутствии свекра и т.д. [Բրնիշի 1974, с. 128]. Этот обычай сохранился вплоть до 60-х годов XX века, чем и объясняется наличие таких сравнений в армянском языке.

Таким образом, в статье приведены наиболее яркие примеры компаративных различий в двух языках, частично указаны возможные причины этих различий. В обоих языках, как мы увидели, сравнения очень яркие, многие из них похожи, но их «профили» весьма разнообразны, что объясняется различиями в мировидении, национальных особенностях, которые отражаются в языках. Это доказывает, что сравнения в целом представляют собой особую форму ценностного освоения мира и служат фактором внутренней детерминации поведения носителей языка в социуме.

В *перспективе* дальнейшего исследования – изучение стилистических особенностей и функционального использования фразеологических компаративных единиц в русской и армянской языковых культурах.

Литература

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Гумбольдт В. Избранные

труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1984. – 397 с. *Манакин В.Н.* Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин – К. : Знання, 2004. – 326 с. *Маслова В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : АCADEMIA, 2004. – 202 с. *Назарян А.Г.* Образные сравнения французского языка (фразеологизмы) / А.Г. Назарян. – М. : Просвещение, 1965. – 200 с. *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцев. – Л. : Наука, 1978. – 159 с. *Олексишина Л.Г.* Процеси формування та осмислення художніх порівнянь / Л.Г. Олексишина // Наук. вісн. Чернівець. ун-ту : зб. наук. пр. – Чернівці : Рута, 1999. – Вип. 68: Германська філологія. – С. 59–63. *Трессидор Д.* Словарь символов / Д. Трессидор. – М. : Гранда, 1999. – 445 с. *Шаповалова Н.П.* Функціонально-семантичний статус порівняльних конструкцій у сучасній українській мові : автореф. дис... канд. філол. наук : спец. 10.02.02 / Н.П. Шаповалова. – Дніпропетровськ, 1986. – 16 с. *Բրիտիշ Բ. Գ. Հայ ազգագրորդություն / Բ. Գ Բրիտան. – Երեվան, ԵՊՀ, 1974. – 286 էջ: Ղանաշինյան Ա.Տ. Առածանի / Ա.Տ. Ղանաշինյան– Երեվան, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ-ուհի, 1960. – 96 էջ:*

СКИБИНА В.И., ГОРДИЕНКО Е.В.

(Запорожский гос. мед. ун-т)

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КАНАДСКОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (XVI век – 2008 год)

This paper represents major results of a comprehensive research of Canadian English linguistic lexicography. The study spans the period from the 16th century till 2008. The research proves that lexicography is rooted in national historical and cultural tradition. It also argues that linguistic situation has an influence on the tendencies and trends of lexicography but does not determine its genesis.

Key words: *Canadian lexicography, linguistic situation, lexicography evolution, ethnolinguistics, genesis, linguistic dictionaries.*

Изучение национальных лексикографических традиций представляет собой одно из наиболее плодотворных направлений современной теоретической лексикографии. Богатое наследие и активная деятельность английских лексикографов занимают достойное место в кругу этих исследований, начиная со второй половины 19-го века [Baynes 1896; Murray 1900]. Вполне закономерно, что наиболее полную характеристику получила британская лексикографическая традиция [Семейн 1990; Ступин 1982; Bejoint 1994; Brewer 2009; Mugglestone 2005; Words and dictionaries from the British Isles in historical perspective 2007]. По мере формирования вариантов английского языка и их лексикографического описания интенсифицируется изучение лексикографии США [Евсеев 1986; Hitchings 2005; Micklethwait 2000], Австралии [Скибина 1984, 2008, 2010; Ramson 2002] и Новой Зеландии [Algeo 1992; Bayard 2000]. Лексикография Канады предметом специальных комплексных разысканий не служила.